

Африканские айсберги

В. КУДРЯВЦЕВ

В АФРИКЕ происходят события, которые весьма часто воспринимаются в зависимости от поверхностных явлений, иногда похожих на события, происходящие на других континентах. Если же эти события копнуть поглубже, то окажется, что в Африке, как у айсберга, «под водой» находится основная, большая часть явлений, скрытых от поверхностных наблюдателей.

Поскольку эта статья приурочена ко Дню освобождения Африки, установленному первой Ассамблеей Организации африканского единства (ОАЕ) в 1963 году, постольку стоит начать наш разговор о делах на африканском континенте именно с положения в ОАЕ. Последней наиболее заметной вехой в истории этой сравнительно молодой организации можно считать недавнюю, февральскую сессию Совета министров ОАЕ в Аддис-Абебе. В основном она, как и полагается сессиям этого совета, обсуждала финансовые вопросы: бюджет, расходы по отдельным комитетам и комиссиям. Но политическая обстановка оказывает влияние и на такие сессии и властно требует соответствующей оценки. Что же примечательного было на этой сессии, или она не стоит того, чтобы о ней говорили всерьез?

Не секрет, что в мире развелось много пессимистов, которые весьма скептически смотрят на деятельность ОАЕ и ее перспективы. Этому есть свои причины, и в частности попытки обесценить значение ОАЕ противопоставлением ей таких лжерегиональных организаций, как ОКАМ (Общая афро-малагасийская организация), или воскрешением идеи создания «сообщества» франкоязычных стран, большинство которых находится в Африке, о чем сви-детельствует, например, собиравшееся в Ниамее специальное совещание представителей франкоязычных стран. Понятно, что все это не может не мешать становлению ОАЕ, тем более что она в числе прочих задач ставит и задачу стирания грани между франкоязычными, англоязычными и португалоязычными странами, поскольку такое деление в скрытой форме позволяет сохранять дух прежних колониальных империй в Африке, облегчая им осуществление политики неокOLONИализма.

Так чем же примечательна последняя по счету сессия Совета министров ОАЕ? Она — возможно, косвенно — отразила новые процессы, частично скрытые «под водой». На этой сессии не только был более резко поставлен вопрос о коллективной поддержке национально-освободительной борьбы наро-

дов португальских колоний, Зимбабве, Намибии (Юго-Западной Африки) и вообще юга Африки, но и развернута критика недостатков освободительного движения в Анголе, Зимбабве, Намибии, ЮАР. Была откровенно указана причина этого: отсутствие единства, раскол в среде борцов за национальное освобождение в этих странах. Такая критика раздается с трибуны ОАЕ, пожалуй, впервые, тем более, что ОАЕ становится на сторону боевых отрядов национально-освободительной борьбы и не проявляет прежнего колебания в оценке тех или иных движений. Критика же является показателем укрепления организации, так же как компромиссы в борьбе за освобождение могут восприниматься как ее слабость.

Единство укрепляется не словами или эмоциями, которые часто улечиваются, как только речь заходит о делах. В этом отношении здоровым показателем укрепления антиимпериалистического единства может служить подход сессии к оценке израильской агрессии на Ближнем Востоке. Чего греха таить, отношение ОАЕ к израильской агрессии в момент ее свершения было крайне тревожным. Организация никак не реагировала на события, которые непосредственно затрагивали одного из ее влиятельных и активных членов — Объединенную Арабскую Республику. И это было тем более тревожно, что враги африканских народов всегда стремились вбить клин между преимущественно арабской Северной Африкой и Африкой южнее Сахары с негроидным населением. ОАЕ осудила израильскую агрессию только на своей ассамблее в сентябре 1968 года. Но и эта запоздалая реакция встретила оговорки со стороны правительств некоторых африканских стран, для которых их политические и экономические связи с Израилем оказались выше общих интересов независимой Африки. Сессия Совета министров единодушно подтвердила решения 1968 года и призвала «к выводу всех иностранных войск с арабских территорий, оккупированных после 5 июня 1967 года, в соответствии с решением Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года». Это шаг вперед в практическом осуществлении идеи общафриканского единства.

Пессимисты скажут: а не мало ли таких успехов? Возможно, мало, особенно в свете новых явлений в Африке и вокруг нее. Но практика показала, что, каким бы полезным и большим ни был опыт неафриканских стран в борьбе против империализма, все же свой опыт ближе, и Африка познает важность африканского единства, подчас набивая шишки и накапливая свой опыт эмпирическим путем. К тому же предрассудки идеологического порядка, насаждавшиеся в течение десятилетий колонизаторами, а ныне неокOLONИЗаторами, изживаются не сразу. Возьмите хотя бы проблему Родезии. Расистский режим Яна Смита во многом держится благодаря распространенному до сих пор среди некото-

Город Браззавиль. Освобождение Африки — дело их жизни. Знания, которые они приобретут в лицее, будут отданы этому благородному делу.

Фото С. Преображенского

рых (если не многих) лидеров африканских стран предрассудку, будто колониальные державы предоставляли независимость своим колониям добровольно, в порядке законодательных актов. В этом заключается идеологический вред такого заранее продуманного шага колонизаторов, за который независимым странам придется расплачиваться не один год. Таких настроений почти нет в тех странах, где независимость вырвана в итоге вооруженной борьбы народа против колонизаторов.

А раз, допустим, английское правительство предоставило независимость большинству своих африканских колоний, то почему же оно не должно предоставить ее и народу Зимбабве? Именно поэтому, как, например, убеждены лидеры Зимбабве, вопрос о ликвидации расистского режима в Родезии считается исключительно делом Англии. В этом заложена основная причина того, что разговоры о вооруженном вмешательстве африканских стран в защиту законных прав четырехмиллионного африканского большинства Родезии так и остаются разговорами. В то же время Родезия и отношение к ней независимых африканских государств служит оселком, на котором проверяется действительность африканского единства перед лицом усиливающейся опасности со стороны расистского юга в целом.

Опасность эта велика, и она тоже выглядит словно айсберг. На поверхности она не столь бросается в глаза, зато в «подводной» части ее размеры увеличиваются во много раз. Вспоминаются слова одного из африканских лидеров о том, что ни одна независимая африканская страна не может себя чувствовать вполне свободной до тех пор, пока в Африке существуют поработанные колониализмом и расизмом народы. Сейчас это звучит актуально как никогда. На юге создается плацдарм контрнаступления империалистов на независимую Африку. Там постепенно формируется политическая, военная и военно-промышленная база коллективной колониальной политики многих империалистических держав, заинтересованных в эксплуатации африканских богатств. В числе этих держав роль первых скрипок играют Англия, США и ФРГ, увеличивающие свои капиталовложения, расширяющие торгово-экономические связи, снабжающие ЮАР современной военной техникой и сами использующие территорию и военно-промышленный потенциал ЮАР для осуществления ядерных экспериментов (ФРГ).

Но самое новое явление на юге Африке — это очень заметный рост самостоятельности южноафриканского капитала, который рассматривает «черную» Африку как свой обширный и многообещающий рынок. В этом заложена динамичность распространения влияния ЮАР на независимую Африку — влияния, которое, разумеется, не будет ограничиваться потенциальным вооруженным контрнаступлением. Такое контрнаступление принимает самые разнообразные формы, в частности форму «наведения мостов» из ЮАР в суверенные молодые государства с использованием таких коллаборационистов, как президент Малави Хастингс Банда. Жесткая политика апартеида внутри ЮАР приобретает гибкие и обтекаемые формы в дипломатии, когда речь заходит о проникновении в независимую Африку. Тут даже не брезгают разговорами о том, что южноафриканская «помощь», дескать, отличается от «помощи» империалистических держав тем, что она все же «африканская». И эта явная демагогия, как ни странно, оказывает свое действие на известные круги правящей верхушки некоторых стран африканского континента, где еще не перевелись деятели, получившие идеологическое воспитание

в Оксфорде, в Сорбонне или других университетских центрах бывших колониальных империй.

Перед лицом этой опасности особенно велико значение африканского единства. И можно смело утверждать, что успех борьбы африканских народов против колониализма и расизма на юге Африки будет во многом зависеть от того, какой процесс пойдет быстрее — укрепление африканского единства или создание на юге континента плацдарма коллективной колониальной политики империалистов.

Рассчитывать на обострение внутриимпериалистических противоречий как на фактор, ослабляющий опасность, особенно не приходится, хотя такие противоречия время от времени дают себя знать довольно сильно. В частности, недавнее заявление министра национальной обороны Англии Д. Хили о том, что его правительство разрабатывает мероприятия по подготовке сил вмешательства в дела бывших британских колоний в Африке в случае возникновения там положения «нестабильности», имеет в виду не только социальные явления. Оно навеяно и тем, что страны «Общего рынка» усиленно проникают в бывшие английские колонии, в частности в Восточной Африке, рассчитывая утвердить там свое экономическое влияние путем ассоциирования их с «Общим рынком». Большое беспокойство начинает вызывать у Англии и активизация африканской политики Бонна.

Но все это пока что отходит на второй план перед общей для всех империалистов опасностью — укреплением национальной независимости африканских стран, сопровождающимся стремлением к экономической самостоятельности. Поэтому пока что процесс формирования общеимпериалистического плацдарма на юге Африки происходит быстрее укрепления африканского единства. Империалисты выступают более единым фронтом, чем страны африканского континента. Этому способствует все еще слабое развитие внутриконтинентальных торгово-экономических связей, зависимость многих стран от бывших метрополий по военной линии (договоры, инструкторы и даже военные округа и базы на африканских территориях), живучесть разделения африканских стран на франкоязычные и англоязычные. Все это лежит более или менее на поверхности. Есть, однако, и «подводные» причины, и они, на наш взгляд, более существенны.

Начнем с военных переворотов. Если даже не вдаваться в их причины, то можно смело утверждать, что перевороты эти — не отдельные случаи, а характерное явление в новой Африке. Судите сами. Не успела обрести национальную независимость бывшая испанская колония — Экваториальная Гвинея, как там уже была осуществлена попытка переворота во главе с министром иностранных дел Ндонго Мийоне. Этот министр, как известно, выставил свою кандидатуру в президенты страны, но был забаллотирован в пользу Франсиско Масиаса. И вот, пренебрегая результатами голосования в октябре прошлого года, Ндонго Мийоне решил силой захватить президентское кресло. О чем это свидетельствует? Да о том, что перевороты происходят в Африке сравнительно легко, что их совершали чуть ли не при помощи одного взвода солдат. В чем же тут дело? А дело в том, что все это происходит на поверхности политической жизни и не затрагивает народные массы, которые остаются инертными и взирают на совершающиеся перевороты как на дело стороннее, которое их не касается. Поэтому в перевороты вносится личный элемент, личная заинтересованность, личные связи, в том числе и внешнеполитические. Народ не кон-

тролирует то, что происходит в господствующей верхушке. И вот здесь-то заложены «подводные» причины, которые не всегда заметны.

Африканские страны — это преимущественно сельскохозяйственные страны, в которых свыше 85 процентов населения составляет крестьянство. Поэтому о степени глубины национально-освободительного движения в этих странах можно судить по тому, насколько активное участие в нем принимают крестьяне. Судить о глубине такого движения по активности городского населения, и особенно интеллигенции, прослойка которой весьма незначительна, было бы абсолютно неправильно. «Не подлежит ни малейшему сомнению, — говорил В. И. Ленин на II конгрессе Коминтерна, — что всякое национальное движение может быть лишь буржуазно-демократическим, ибо главная масса населения в отсталых странах состоит из крестьянства, являющегося представителем буржуазно-капиталистических отношений»¹. Что это так и в наше время, показывают неудачи тех лидеров, которые, следуя компасу волонтаризма, пытаются перескочить через этапы развития и рассматривают индустриализацию на первых порах не как средство подъема сельского хозяйства и материального положения крестьянства, а как дело национального престижа. В истории бывает так, что забегание вперед служит практическим показателем того, что почва для тех или иных прогрессивных мероприятий еще не созрела и что поэтому требуется выровнять фронт наступления с тем, чтобы авангард не оторвался от основной массы народа. Легко совершаемые военные перевороты и могут играть роль лакмусовой бумажки, регистрирующей такое забегание вперед. Они, как мы уже отмечали раньше, — показатель того, что массовой опоры власти в стране не существует.

И поскольку крестьянство — подавляющая часть населения, можно прийти к выводу, что для него-то как раз сделано в африканских странах очень и очень мало. Факты свидетельствуют, что сельское хозяйство в большинстве африканских стран переживает упадок, если не считать плантационного хозяйства, работающего на экспорт. Растет ввоз продовольствия из Западной Европы, Америки и Австралии. Продолжается бегство из деревни. Рост населения африканских городов, занявший по темпам первое место в мире, не соответствует росту промышленности. В то же время он оказывает влияние на повышение импорта продовольственных товаров, которых не может дать африканское село. Если к этому прибавить, что в большинстве стран сильны пережитки феодальных и племенных отношений, держащих в плену крестьянскую массу, то станет ясно, что положение крестьян мало чем отличается от того, что было до предоставления независимости.

Боевое единство африканских стран в борьбе за окончательное очищение континента от остатков колониалистских и расистских режимов — это не единство правящих верхушек. В этом случае ОАЕ может переродиться в своеобразный блок тех или иных африканских правительств. Африканское единство только тогда станет действенным оружием национально-освободительной борьбы народов Африки, когда оно будет единством широких слоев населения разных ее стран. А для этого нужно, чтобы африканское крестьянство — основная часть населения континента — почувствовала, что колонизаторы и расисты на юге Африки покушаются на политические и экономические завоевания крестьян-

ства после обретения их странами национальной независимости. Словом, пора создавать африканскому единству массовую опору.

Таким образом, прочность и действенность африканского единства тесно связаны с внутренними социально-экономическими преобразованиями, затрагивающими широкие массы. Кстати, всей Африке не мешает поглубже изучить причины поражения арабских стран в так называемой шестидневной войне, навязанной им израильскими агрессорами. Одной из важнейших причин поражения, как теперь уже стало безусловно ясным, было отсутствие действенной опоры на массы при проведении социально-экономических преобразований (хотя они и проводились для широких масс), а также в создании национальной обороны. Перед лицом возможного контрнаступления колонизаторов и расистов на независимую Африку опыт арабских стран, в частности ОАР, становится весьма ценным для государств, входящих в Организацию африканского единства.

Большим препятствием для консолидации африканского единства по-прежнему остается трайболизм, который оказывает свое вредное влияние на формирование новой государственности в странах Африки (Нигерия), разъедает страны изнутри и портит отношения между государствами (недавние распри между Сомали, Кенией и Эфиопией). Но бороться с трайболизмом нельзя, не осуществляя в противовес расистам правильной национальной политики в целом. В этом отношении существует опасность, исходящая из неправильно понимаемой политики африканизации. Если брать нынешнюю обстановку в Африке и актуальные задачи национально-освободительного движения на современном этапе, то африканизация понимается как осуществление политики во всех областях — государственной, экономической, культурной и идеологической — в национальных интересах африканских государств без того, чтобы оглядываться на интересы бывших метрополий и империалистических стран вообще. Однако во многих странах африканизацию понимают узко, в смысле африканизации кадров. Начинается гонение на азиатскую часть населения, хотя многие из азиатов считают данную страну родиной и служат ее интересам. В результате такая «африканизация» фактически оборачивается расизмом и приводит к усилению национальной розни, что не может не создавать питательной среды и для трайболизма. Все это ослабляет внутреннее единство страны, а следовательно, оказывает отрицательное влияние и на межафриканское единство. Прогрессивные круги африканских стран должны показать образец сотрудничества разных национальностей, что в еще большей степени будет способствовать разоблачению политики белых расистов. Выбивать же клин клином — значит еще больше обострять межнациональную вражду, что рикошетом ударяет и по африканскому единству.

И, наконец, разумеется, что африканское единство, как явление весьма прогрессивное, нельзя укреплять без тесного сотрудничества между всеми потоками единого революционного процесса — силами социализма, рабочим движением в капиталистических странах и национально-освободительным движением. Правильное понимание взаимосвязи сил социализма и сил национального освобождения в рамках общего революционного процесса остается важной концепцией для всех, кто стремится к укреплению антиимпериалистического единства в Африке — необходимого условия для победы над империализмом, колониализмом и неоколониализмом.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 243.